

Такимъ образомъ, операція, предпринятая Андреемъ Бѣлымъ, ничего не мѣняетъ въ начертанной мною схемѣ его замысловъ. Напротивъ, то обстоятельство, что для «Москвы» выдѣлена изъ «Преступленія Николая Летаева» его главная тема, — лишь подтверждаетъ мою мысль о «стабильности» этой темы у Андрея Бѣлаго.

О томъ, что «Преступленіе Николая Летаева» не закончено, надо пожалѣть. Тамъ Андрей Бѣлый, видимо, намѣревался подойти къ своей темѣ гораздо глубже, нежели въ «Москвѣ» или въ «Петербургѣ», показать преступность не только въ проявленіи, но и въ самомъ ея зарожденіи. Нельзя не отмѣтить также, что «Преступленіе Николая Летаева» (или, по нынѣшнему, «Крещеный китаецъ») по манерѣ письма несравненно тояше «Москвы», въ которой тѣ сложные и тонкіе приемы, которые были найдены въ «Преступленіи», — доведены до дубка.

Владиславъ Ходасевичъ.

Ив. Бунинъ. Послѣднее свиданіе. Изд. Т-ва «Н. П. Карбасниковъ». Парижъ. 1927.

Въ книгу вошло семнадцать рассказовъ 1911 — 13 годовъ.

Рассказы — деревенскіе. Разорившіеся помѣщики, мужики, нищіе, бродяги, печальная и однообразная русская природа, печальный и скудный бытъ. Объ отношеніи Бунина къ простому русскому народу много писали и спорили. Не разъ упрекали его въ злобномъ искаженіи, въ «клеветѣ». Между тѣмъ, писателей болѣе правдивыхъ, чѣмъ Бунинъ, немного было въ Россіи. Но послѣ пятидесяти лѣтъ идеализаціи и славности, и рядомъ съ благополучно процвѣтающимъ советскимъ «нео-цародичествомъ», правда кажется искаженіемъ, и даже «злобнымъ», — хотя въ ней и больше любви, чѣмъ во всѣхъ новыхъ и старыхъ Григоровичахъ вмѣстѣ взятыхъ. Въ какомъ-то старинномъ романѣ есть приблизительно такой діалогъ:

— Люблю... и для меня все въ ней прекрасно! Никакихъ недостатковъ не замѣчаю.

— Нѣтъ, люблю — и все вижу. Но все таки люблю.

Нельзя отрицать, что второй родъ любви мужественнѣе, устойчивѣе и долговѣчнѣе.

Мнѣ кажутся наиболѣе удавшимися рассказами въ книгѣ:

Первый, давшій названіе всему сборнику, нѣсколько напоминающій теперешнія вещи Бунина, грязная и жуткая любовная развязка, пятый актъ ненаписанной драмы; затѣмъ «Я все молчу» — наиболѣе суровый по тону, съ лирическимъ отступленіемъ о церковныхъ нищихъ, отступленіемъ, которое мнѣ хотѣлось бы списать иѣбликомъ, настолько оно для Бунина характерно:

«Ужасные люди въ двѣ шеренги стояли во время обѣдни въ церковной оградѣ, на пути къ паперти! Въ жаждѣ самоистязанія, отвращенія къ уздѣ, къ труду, къ быту, въ страсти ко всякимъ личинамъ — и трагическимъ, и скоморошскимъ — въ темныхъ преступныхъ хотѣніяхъ, въ слабости, вѣчной тревогѣ, бѣдахъ, печалихъ и нищетѣ,

Русь издревле и безъ конца родить этихъ людей... Что это за лица, что за головы! Точно на кievскихъ церковныхъ картинахъ да на кievскихъ лубкахъ, живописующихъ и дьяволовъ, и подвижниковъ мати-пустыни! ... (длинное перечисленіе)... И все это, на показъ выставивъ свои лохмотья, раны и болѣзни, на древне церковный расплѣвъ, и грубыми басами, и скопческими альтами, и какими-то развратными тенорами водить о гнойномъ Лазарѣ, объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ, который въ жаждѣ нищеты и мученичества, ушелъ изъ подъ ѳотчаго крова, «не знамо куда»...

Наконецъ, короткій рассказъ «Забота» — можетъ быть, лучший изъ всѣхъ. Мужикъ собирается въ городъ, продавать барана. Ѣхать ему не хочется, продавать барана жалко. Дома — бѣдность. На дворѣ — осень. «Въ потухшихъ глазахъ — тоска». Ничего въ рассказѣ не происходитъ, никакого дѣйствія не придумано. Но какъ всѣ истинно-художественныя произведенія, созданныя какъ бы «изъ ничего», рассказъ отъ этого лишь значительнѣе. Его темой является не то, что находится на поверхности жизни, «приключенія», а то, что лежитъ въ глубинѣ ея. Отъ рассказовъ безъ дѣйствія въ нашей литературѣ одно время житья не было, — и не безъ основанія русскіе молодые писатели обратились въ послѣдніе годы къ «фабулѣ». Но вѣдь то были рассказы, въ которыхъ не существовало ни внѣшняго, ни внутренняго содержанія — только многословіе и туманъ. При наличіи дѣйствія углубленнаго, событія парящія на поверхности сами собой тускнѣютъ и исчезаютъ. Въ концѣ концовъ, вѣдь и въ «Смерти Ивана Ильича» никакой «фабулы» нѣтъ.

Можно ли говорить о творческомъ ростѣ Бунина, сравнивая его вещи, написанныя пятнадцать лѣтъ тому назадъ съ теперешними? По глубокому моему убѣжденію — да. Въ совѣтской критикѣ было недавно высказано мнѣнiе рѣзко противоположное. Отчасти въ этомъ сказалось стремленіе показать и доказать, что въ эмиграціи все чахнетъ. Но была и искренность: ростъ вниманія къ человѣческой душѣ за счетъ интереса къ быту марксистамъ не можетъ нравиться. Но намъ кажется, что именно въ этомъ «взлетѣ надъ бытомъ» Бунинъ дѣйствительно нашелъ самого себя, — и что «Митина любовь» и нѣсколько послѣднихъ его повѣстей чище, сильнѣе и какъ-то свободнѣе всего, что онъ писалъ до сихъ поръ .

Георгій Адамовичъ.

Б. Суворинъ. — Фазанъ. — Книгоизд. «Возрожденіе». Парижъ. 1927.

Очень легкій языкъ у Б. Суворина, легкій и пріятный. И написанъ его романъ занимательно, свободно, умѣло, быть можетъ, немножко излишне - длинно. Рисуетъ онъ бытъ людей, живущихъ вкусно, хотя нѣсколько однообразно, отъ ресторана къ ресторану, отъ «Медвѣдя» къ «Максиму», изъ «Славянскаго Базара» на скачки, отсюда въ «Мавританію», или въ «Буфъ», или въ «Акваріумъ», или еще куда. Въ ресторанахъ, кабачкахъ, барахъ, отеляхъ проходитъ вся жизнь суворинскихъ героевъ, жизнь, осложненная нѣкоторыми переживані-